

— Братик, я пойду погуляю с другом, — Шуй Цюэ, сидя в прихожей, переобувался. Ночью выпал снег, и сугробы еще не успели растаять, отчего снаружи веяло ледяным холодом.

В доме же, наоборот, отопление работало на полную мощность, создавая почти весеннее тепло. Можно было бы ходить в одном лишь просторном свитере, как сейчас.

В тот вечер на приеме ему чудом удалось избежать неприятностей, хотя он и не ожидал встретить там Се Сянсюня. К счастью, тот не стал расспрашивать, почему он прятался в шкафу. Иначе было бы неловко. Он даже любезно проводил его к Сун Циню, сказав, что тот заблудился. Хотя, как можно было заблудиться и оказаться в шкафу, оставалось загадкой...

Во второй половине вечера он больше не видел Цюй Цзючао. Видимо, тот искал его где-то в другом месте, и они разминулись.

Сун Цинь помог Шуй Цюэ надеть толстый пуховик, который купил ему несколько дней назад. Теплого белого цвета, он делал Шуй Цюэ похожим на снежный комок.

Ему нравилось, когда тот носил белое.

В белом он выглядел таким послушным.

Внезапно Сун Цинь снова вспомнил ту фотографию, которую Шуй Цюэ прислал по ошибке.

Белоснежная, обтянутая тканью плоть...

Это было почти месяц назад.

Он нахмурился, силой изгоняя образ из головы. Выражение его лица почти не изменилось, словно тот альфа, что так долго разглядывал фотографию с обнаженными ногами младшего брата, не имел к нему никакого отношения.

Застегнув молнию до самого подбородка, он повязал ему на шею шарф — яркое сочетание имбирно-желтого и оливково-зеленого, — убедившись, что холодный ветер не доберется до тела Шуй Цюэ.

— Когда вернешься? — безразлично спросил Сун Цинь.

— М-м... Думаю, к вечеру, — ответил Шуй Цюэ.

Сун Цинь взглянул на часы. Не было еще и восьми утра. Если он вернется к четырем часам дня, это значит, его не будет восемь часов.

Сегодня канун Нового года.

Сун Цинь хотел пойти с Шуй Цюэ в супермаркет за продуктами для праздничного ужина. Конечно, можно было поручить это У-и. Конечно, он и так знал, что любит и не любит Шуй Цюэ. Но иногда ему просто хотелось покатать тележку по магазину, наслаждаясь временем, проведенным только вдвоем.

— Хорошо, — в конце концов, он так и не спросил, куда тот направляется.

Город жил своей обычной шумной жизнью, но место встречи оказалось на удивление тихим. Вокруг все было украшено гирляндами, даже деревья. Вероятно, из-за кануна Нового года большинство людей сидели по домам, готовя праздничный ужин, и на улицах было немногочисленно.

Шуй Цюэ прибыл на место, о котором они договорились с Се Сянсюнем.

— Я на месте, — пробормотал он, набирая сообщение. Пар от его дыхания тут же превращался в белое облачко, а кончики пальцев покраснели от холода. — Йорк точно придет?

Йорк напоминал ему о черно-желтом щенке, игрушке, которую мама подарила ему в детстве.

Сянсюнь: «Подожди немного».

Сянсюнь: «Йорк не очень любит людей. Он выходит только на утреннюю пробежку, а по улицам гулять не любит».

Словно опасаясь, что Шуй Цюэ может обидеться, он добавил:

Сянсюнь: «Не волнуйся, ты ему понравишься».

Сянсюнь: «Холодно, зайди пока в ближайшую кофейню. Я заказал через приложение карамельный макиато и капучино. Можешь взять любой. Номер заказа отправил».

Шуй Цюэ прошел еще немного. Сквозь стеклянную витрину виднелся элегантный интерьер кофейни. В углу у стены все еще стояла рождественская елка, увешанная и заваленная открытками и маленькими подарками.

Было еще рано, и бариста занимался в основном заказами на вынос и через приложение. При входе от порыва ветра мелодично звенел колокольчик.

Кофейня находилась недалеко от парка у реки, и вид из окна был прекрасен. Если сесть у панорамного окна, то можно было увидеть... реку?

На заснеженном, грязном берегу реки одиноко лежала пара ботинок.

Шуй Цюэ широко раскрыл глаза.

— Заказ номер девяносто три готов! — бариста нажал на звонок и посмотрел в сторону столика, за которым сидел гость, но увидел лишь оставленный на столе телефон.

Телефон, переведенный в беззвучный режим, тихо вибрировал на салфетке.

— Куда же он?.. Так спешил, что даже телефон забыл? — пробормотал бариста, вытирая руки о фартук.

Зимняя река текла неспешно, но вода в ней была ледяной. Стоило войти в нее, как холод тут же парализовал нервы, лишая кожу всякой чувствительности, и уже было не разобрать, тепло тебе или холодно.

Вдалеке река уходила в темную, бездонную глубину, словно мать, безмолвно ожидающая заблудшее дитя.

Дно реки было усеяно острыми камнями, и Шуй Цюэ не решился снять обувь.

Он, преодолевая сопротивление тяжелой воды, быстро продвигался вперед и, растерянно, схватил девушку за край одежды.

В этом месте вода доходила ему до пояса.

Шуй Цюэ, боясь напугать ее, тихо и осторожно спросил:

— Сестра, вы в порядке?

— Вы... что-то уронили?

От неожиданного появления человека бета остановилась. Она обернулась. У нее было красивое лицо, но сейчас темные волосы в беспорядке спадали на плечи, кончик носа покраснел, под глазами залегли темные круги, а во взгляде читалась крайняя усталость.

— ...Нет, — она, видимо, давно ничего не пила, и даже одно это слово далось ей с трудом, раздирая горло.

В тот миг, когда она обернулась, Шуй Цюэ застыл.

Он ее видел.

В исследовательском институте. Хорошая сестра-волонтер, которая приносила ему из внешнего мира сладости и сказки.

Она всегда улыбалась, даже когда говорила, что ее родители, как и родители Шуй Цюэ, погибли на задании.

Она говорила, что эксперименты института — это преступление против человечности.

«Они все тебе врут. Институт связан с черным рынком. Они берут кровь, а потом переправляют ее на черный рынок, где божественная кровь продается за баснословные деньги богачам и политикам».

«Это совсем не так красиво, как они рассказывают, будто бы это для лечения людей со способностями».

«Восьмой, не бойся. Среди волонтеров все хорошие люди. Мы поможем вам сбежать».

В ночь побега в институте внезапно зажегся свет, и по ночному небу разнеслась сирена.

Он прятался на лестничной клетке общежития. Оказалось, кто-то из волонтеров предал их.

Позже этот человек стал научным сотрудником лаборатории.

— Я... — горло Шуй Цюэ перехватило, слова давались с трудом, но он все равно торопливо спросил: — Вы меня помните? Я Восьмой.

Восьмой. Его номер.

В институте у подопытных не было имен, только холодные, бездушные номера.

Выражение лица беты было растерянным. Говорить было слишком тяжело.

— Прости, я тебя не знаю.

— Но... но... — Шуй Цюэ не знал, что сказать.

Посреди реки его охватило огромное чувство опустошенности.

Семьдесят седьмой тут же появился:

[Хозяин, я здесь!]

Он торопливо потерся о щеку Шуй Цюэ.

[Поглажу по шерстке, поглажу по шерстке...]

Бета тоже не могла понять. За свои двадцать с лишним лет жизни, если бы она встретила такого красивого юношу, он бы точно остался в ее памяти. Но она действительно, совершенно его не помнила.

И что за странное имя — Восьмой?

Это она от отчаяния решила покончить с собой, а вид у этого юноши был такой, будто это его постигло величайшее горе.

Глаза его тут же покраснели. Кожа, и без того бледная, от холода приобрела розовый оттенок, отчего он выглядел еще более жалким.

— Пойдемте, сестра, — он почти умолял. — Пойдемте, слишком холодно, вы простудитесь.

Издали послышался стремительный топот, и одна из звуковых частот явно не принадлежала человеку.

— Гав!

— Гав-гав!

Крупная немецкая овчарка бросилась в воду и, мощно работая лапами, подплыла к нему, вцепившись зубами в край его одежды и таща к берегу.

С плеском воды чьи-то большие руки подхватили Шуй Цюэ под мышки, подняли и вынесли на берег.

Его грудь уперлась в крепкое плечо. Пуховик смягчал давление, так что было не больно. Он

посмотрел назад. Овчарка переключилась на бету, упорно таща ее на сушу.

Давление в груди ослабло, и на душе вдруг стало легче. Он сунул ледяную руку за воротник Се Сянсюню.

Альфа вздрогнул и, прижав его руку плечом, не стал просить убрать ее.

Но лицо его было мрачным и пугающим.

Шуй Цюэ подумал, что его шалость разозлила его, и хотел было тихо убрать руку.

Но тут его укусили.

За мизинец правой руки. Остался след от зубов.

Он надул губы.

Какой мелочный. Хозяин под стать питомцу, оба кусаются.

На берегу Се Сянсюнь снял с него промокший насквозь пуховик. Когда он выжал его, вода полилась ручьем. Носить его было уже нельзя. Он решительно снял свой пуховик и небрежно накинул его на голову Шуй Цюэ.

В его резких движениях читался сдерживаемый гнев из-за опрометчивого поступка Шуй Цюэ.

Из-за разницы в росте, а также потому, что Се Сянсюнь для удобства носил укороченные модели, его пуховик хоть и намок, но не промок насквозь, и верхняя одежда осталась сухой.

Шуй Цюэ, с накинутой на голову курткой, осторожно взглянул на него и медленно поправил одежду, надевая ее как следует.

— Скорую вызвать? — спросил Се Сянсюнь у женщины, которую овчарка вытащила на берег.

Бета покачала головой.

— Не нужно, спасибо.

Она пристально посмотрела на Шуй Цюэ.

— Вы... в каких отношениях? — она все еще беспокоилась о его безопасности. Хотя этот мужчина, гуляющий с собакой, тоже проявил доброту и не был похож на плохого человека.

— Жених. У нас детская помолвка, — ответил за него Се Сянсюнь.

Шуй Цюэ потерял дар речи.

Что?

— О... о, понятно. Спасибо вам, — ответила бета.

Она, казалось, пришла в себя и теперь смущалась своего поступка. Низко опустив голову, она поклонилась.

— Простите, что доставила вам хлопот.

Уходя, она серьезно сказала Шуй Цюэ:

— Желаю вам счастья.

Мне нужно сказать «спасибо»? — подумал Шуй Цюэ.

Из-за случившегося первоначальные планы на свидание, пусть даже это было свидание лишь в одностороннем представлении Се Сянсюня, пришлось срочно менять.

Шуй Цюэ, высушив волосы, словно только что очнувшись, моргнул и спросил:

— Что за чушь ты нес про детскую помолвку?

Се Сянсюнь увидел, как он вышел из комнаты.

Вся одежда на нем была из его шкафа, с ног до головы, словно помеченная.

Се Сянсюнь начал ревновать к собственной одежде.

Она наверняка вся пропиталась запахом Шуй Цюэ, таким сладким.

Отвечая на его вопрос, он сказал:

— Семьи Сун и Се когда-то договорились, что если в одной из семей родится омега, то они породнятся.

Се Сянсюнь обошел его вокруг.

Глаза-фениксы хитро сощурились.

— Но я знаю, что ты — альфа.

Услышав это, Шуй Цюэ почувствовал, как по спине пробежал холодок, и настороженно отступил назад.

Зря я сюда пришел. Притворялся омегой ради денег, а теперь обман раскрыт. Меня что, побьют?

Он метнул взгляд по сторонам.

Что делать, я ведь у него дома, теперь не сбежать!

— Ты... ты когда узнал?

Это было равносильно признанию.

Он, должно быть, выглядел таким напряженным, что его бледно-розовые губы от волнения стали влажными и покраснели.

Взгляд Се Сянсюня стал темным.

Говорить об этом сейчас было неуместно и внезапно. По идее, дальше должен был последовать сюжет, в котором жена-омега в реальной жизни оказывается альфой, а обманутый фанат номер один в ярости требует объяснений.

Но Шуй Цюэ стоял перед ним в его свитере, подол которого едва прикрывал половину бедер. Колени, округлые и изящные, почти без пигментации, слегка порозовели.

В его доме не было ковров, только паркет из цельного дерева в скандинавском стиле. Даже с включенным отоплением, если долго стоять босиком, ноги замерзнут.

Се Сянсюнь смотрел, как он поднял одну босую ногу и поставил ее на подъем другой.

Работала сушилка, наполняя воздух низкочастотным гулом. Внутри сушились куртка, брюки и нижнее белье Шуй Цюэ.

Се Сянсюнь должен был бы допросить его. В конце концов, он вложил в него столько чувств и, пусть и незначительных для него, денег. Он даже отправлял этому маленькому стримеру множество своих почти обнаженных фотографий. Если бы кто-то узнал об этом, его бы сочли крайне неразборчивым альфой.

Глава 27

— Братик, я пойду погуляю с другом. — Шуй Цюэ, сидя в прихожей, переобувался. Ночью выпал снег, и сугробы еще не успели растаять, отчего снаружи веяло ледящим холодом.

В доме же, наоборот, отопление работало на полную мощность, создавая весеннее тепло.

Можно было бы, как и сейчас, остаться в одном свободном свитере.

В тот вечер на приеме ему чудом удалось избежать неприятностей, но он никак не ожидал встретить Се Сянсюня.

К счастью, тот не стал расспрашивать, почему он прятался в шкафу.

Иначе было бы ужасно неловко.

Он даже заботливо проводил его обратно к Сун Циню, сказав, что тот заблудился.

Хотя совершенно непонятно, как можно было заблудиться и оказаться в шкафу...

Во второй половине вечера Цюй Цзючао ему больше не встречался. Вероятно, тот отправился на его поиски и они разминулись.

Сун Цинь раскрыл тяжелый пуховик и помог Шуй Цюэ надеть его. Куртку он купил ему несколько дней назад — теплую, белого цвета, в которой Шуй Цюэ издалека походил на снежный комочек.

Ему нравилось видеть его в белом.

В этом цвете он выглядел очень послушным.

Внезапно Сун Цинь снова вспомнил ту фотографию, которую Шуй Цюэ прислал по ошибке.

Белоснежные, стянутые ремнями бедра.

Это случилось почти месяц назад.

Он нахмурился, силой изгоняя этот образ из головы. Выражение его лица почти не изменилось, словно тот альфа, что так долго разглядывал фотографию обнаженных ног своего брата, не имел к нему никакого отношения.

Застежка-молния в его руках дошла до самого верха. Он небрежно обмотал шею Шуй Цюэ шарфом имбирно-оливкового цвета, убедившись, что холодный ветер не доберется до его кожи.

— Когда вернешься? — ровным тоном спросил Сун Цинь.

— М-м-м... наверное, к вечеру, — ответил Шуй Цюэ.

Сун Цинь взглянул на часы. Не было еще и восьми утра.

Если он вернется в четыре часа дня, то это целых восемь часов.

Сегодня канун Нового года.

Сун Цинь хотел пойти с Шуй Цюэ в супермаркет за продуктами для праздничного ужина.

Конечно, можно было поручить это У-и. Конечно, он и так знал, что Шуй Цюэ любит, а что нет.

Но иногда ему хотелось просто вдвоем толкать тележку по магазину, наслаждаясь временем, проведенным только вдвоем.

— Хорошо, — в итоге он так и не спросил, куда именно направляется Шуй Цюэ.

Город шумел потоками машин, но место назначения оказалось не слишком оживленным. Вокруг все было украшено гирляндами, даже деревья. Вероятно, из-за кануна Нового года большинство людей оставалось дома, готовя праздничный ужин, и на улицах было довольно пустынно.

Шуй Цюэ прибыл на место встречи с Се Сянсюнем.

— Я пришел, — пробормотал он, набирая сообщение. Из рта вырвалось облачко пара. Кончики

пальцев, не прикрытые перчатками, покраснели. — Йорк точно придет?

Йорк был похож на плюшевую черно-желтую собачку, которую мама подарила ему в детстве.

Сянсюнь: Подожди немного.

Сянсюнь: Йорк не очень любит людей. Кроме утренних пробежек, он обычно не гуляет.

Словно опасаясь, что Шуй Цюэ может обидеться, он добавил:

Сянсюнь: Не волнуйся, ты ему понравишься.

Сянсюнь: На улице холодно, зайди пока в ближайшую кофейню, подожди там. Я заказал через приложение карамельный макиато и капучино. Можешь выпить любой. Номер заказа я тебе прислал.

Шуй Цюэ прошел еще немного по улице.

Сквозь витринное стекло виднелся элегантный интерьер кофейни. В углу у стены все еще стояла рождественская елка, увешанная и заваленная открытками и маленькими подарками.

Было еще рано, и сотрудники в основном занимались заказами на вынос и через приложение.

Когда он толкнул дверь, от порыва ветра зазвенел колокольчик.

Кофейня располагалась у парка на берегу реки, и оттуда открывался прекрасный вид. Если сесть у панорамного окна, то можно было смотреть прямо на... реку?

На заснеженном, грязном берегу одиноко лежала пара ботинок.

Глаза Шуй Цюэ расширились.

— Заказ номер девяносто три готов, — сотрудник за стойкой нажал на звонок и посмотрел в сторону столика, где сидел клиент, но увидел лишь оставленный на столе телефон.

Телефон, переведенный в беззвучный режим, тихо вибрировал на салфетке.

— Куда же он?.. Так спешил, что даже телефон забыл? — Сотрудник вытер руки о фартук.

Зимняя река текла неспешно, но вода в ней была ледяной, пробирающей до костей. Спустя мгновение в воде нервы онемели, и кожа перестала чувствовать холод.

Вдали река становилась темной и глубокой, словно мать, безмолвно ожидающая заблудшее дитя, которое решит войти в ее воды.

Камни на дне были острыми, и Шуй Цюэ не решился разуться.

Расталкивая тяжелую воду, он быстро продвигался вперед, шаг за шагом, и, растерянно, ухватился за край одежды женщины.

В этом месте вода доходила ему до пояса.

Шуй Цюэ, боясь напугать ее, тихо и осторожно спросил:

— Сестра, с вами все в порядке?

— Вы... что-то уронили?

От неожиданного появления человека бета остановилась. Она обернулась. У нее было красивое лицо, но сейчас темные волосы в беспорядке разметались по плечам, кончик носа покраснел, а под глазами залегли тяжелые мешки, выдавая крайнюю усталость и измождение.

— ...Нет. — Она, вероятно, давно ничего не пила. Всего одно слово, а голос уже срывался, раздирая горло.

В тот момент, когда она обернулась, Шуй Цюэ застыл.

Он видел ее раньше.

В исследовательском институте. Хорошая сестра-волонтер, которая приносила ему снаружи сладости и книжки со сказками.

Она всегда улыбалась, даже когда говорила, что ее родители, как и родители Шуй Цюэ, погибли во время выполнения задания.

Она еще говорила, что эксперименты в институте — это преступление против человечности.

«Они все тебя обманывают. Институт связан с черным рынком. Они берут кровь и поставляют ее на черный рынок, где божественная кровь продается за баснословные деньги богачам и политикам».

«Это совсем не то, что они говорят, будто это для лечения людей со способностями».

«Восьмой, не волнуйся, все волонтеры — хорошие люди. Мы поможем вам сбежать».

В ночь побега в институте внезапно зажглись все огни, и по ночному небу разнеслась сирена.

Он прятался на лестничной клетке в общежитии. Оказалось, кто-то из волонтеров предал их.

Позже этот человек стал научным сотрудником лаборатории.

— Я... — горло Шуй Цюэ перехватило, он с трудом выговорил, но все же торопливо спросил: — Вы помните меня? Я Восьмой.

Восьмой. Его номер.

В институте у объектов испытаний не было имен, только холодные номера.

Выражение лица беты было растерянным. Говорить ей было слишком тяжело.

— Простите, я вас никогда не видела.

— Но... но... — Шуй Цюэ растерялся, не зная, что сказать.

Посреди широкой реки его охватило чувство безмерного опустошения.

[Носитель, я здесь!] — экстренно появился Семьдесят седьмой.

Он торопливо потерся о щеку Шуй Цюэ.

[Поглажу шерстку, поглажу шерстку...]

Бета тоже не могла понять. За всю свою двадцатилетнюю жизнь, если бы она встретила такого красивого юношу, он бы точно оставил глубокий след в ее памяти.

Но она его совершенно не помнила.

К тому же, что это за странное имя — Восьмой?

Она сама от отчаяния решила покончить с собой, а этот юноша перед ней выглядел так, словно

его обидел весь мир.

Его глаза тут же покраснели. Кожа, и без того бледная, от холода приобрела розоватый оттенок, отчего он выглядел еще более жалким.

— Возвращайтесь, сестра, — он почти умолял. — Возвращайтесь, слишком холодно, вы простудитесь.

Вдалеке послышался стремительный топот, и одна из звуковых частот явно не принадлежала человеку.

— Гав!

— Гав-гав!

Стройная немецкая овчарка ворвалась в воду и, мощно работая лапами, подплыла к нему. Вцепившись зубами в край его одежды, она потащила его к берегу.

С плеском воды чьи-то большие руки проскользнули подмышки Шуй Цюэ, подняли его и вынесли на берег.

Его грудь прижалась к крепкому плечу. Пуховик смягчил давление, так что было не больно. Он посмотрел в сторону — овчарка переключилась на бету, упорно таща ее на сушу.

На сердце стало легче, словно спал тяжелый камень. Он сунул свою ледяную руку за воротник Се Сянсюня.

Альфа дернулся и зажал его руку шеей, но не сказал вытащить.

Только лицо его было мрачным и пугающим.

Шуй Цюэ подумал, что его шалость разозлила его, и хотел было тихо убрать руку.

Но тут его укусили.

За мизинец правой руки. Остался след от зубов.

Он надул губы.

Какой мелочный. Хозяин под стать питомцу, оба кусаются.

На берегу Се Сянсюнь снял с него промокший насквозь пуховик. Он отжал его, и с подола ручьями полилась вода — носить его было уже нельзя.

Тогда он решительно снял свою куртку и накинул ее Шуй Цюэ на голову.

Его движения были резкими, в них сквозила скрытая ярость из-за того, что Шуй Цюэ безрассудно полез в воду.

Из-за разницы в росте, а также потому, что Се Сянсюнь предпочитал для удобства короткие куртки, его пуховик почти не намок.

Шуй Цюэ, с накинутой на голову курткой, осторожно взглянул на него и, медленно поправив ее, надел как следует.

— Скорую вызвать? — спросил Се Сянсюнь у женщины, которую овчарка вытащила на берег.

Бета покачала головой.

— Не нужно, спасибо.

Она пристально посмотрела на Шуй Цюэ.

— Вы... в каких отношениях? — она все еще беспокоилась о его безопасности.

Хотя этот мужчина, выгуливающий собаку, и проявил участие, но выглядел он не слишком дружелюбно.

— Жених. Помолвлены с детства, — не дожидаясь ответа, выпалил Се Сянсюнь.

Шуй Цюэ замер.

А?

— О... о, вот как. Спасибо вам.

Женщина, казалось, пришла в себя и, смущенная своим поступком, низко поклонилась.

— Простите, что доставила вам хлопот.

Уходя, она серьезно сказала Шуй Цюэ:

— Желаю вам счастья.

И что мне ответить? «Спасибо»?

Из-за случившегося запланированное свидание, которое, впрочем, свиданием считал только Се Сянсюнь, пришлось отменить.

Шуй Цюэ высушил волосы и, словно только что очнувшись, моргнул и спросил:

— Что за бред ты нес про детскую помолвку?

Се Сянсюнь увидел, как он вышел из комнаты.

Вся одежда на нем, от нижнего белья до свитера, была из его шкафа. Словно помеченная.

Се Сянсюнь начал ревновать к своей собственной одежде.

Она, должно быть, вся пропиталась запахом Шуй Цюэ, таким сладким.

Отвечая на его вопрос, он сказал:

— Семьи Сун и Се договорились, что если в одной из семей родится омега, то они породнятся.

Се Сянсюнь обошел его кругом.

Глаза-фениксы лукаво прищурились.

— Но я знаю, что ты альфа.

Услышав это, Шуй Цюэ почувствовал, как по спине пробежал холодок, и настороженно попятился.

Знал бы, не приходил. Притворство омегой ради денег раскрыто. Его теперь избьют?

Он метнул взгляд по сторонам.

Что делать? Он в его доме, как в ловушке!

— Ты... ты когда узнал?

Это было равносильно признанию.

Вероятно, вид у него был слишком напуганный. Бледно-розовые губы были сжаты до алого цвета.

Взгляд Се Сянсюня стал темным.

Говорить об этом сейчас было несколько неуместно. По идее, сейчас должен был последовать классический сценарий: обманутый поклонник, чей мир рухнул из-за того, что его омега-возлюбленная оказалась альфой, устраивает разборки.

Но Шуй Цюэ стоял перед ним в его свитере, подол которого едва прикрывал половину бедер. Колени, почти без пигментных пятен, были округлыми и изящными, с легким розовым оттенком.

В его доме не было ковров, только пол из натурального дерева в скандинавском стиле. Даже с включенным отоплением стоять на нем босиком было холодно.

Се Сянсюнь смотрел, как тот поднимает одну босую ногу и ставит ее на подъем другой.

Работала сушилка, наполняя воздух низким гулом. Внутри была одежда Шуй Цюэ — куртка, брюки и нижнее белье.

Се Сянсюнь должен был бы допросить его. В конце концов, он вложил в него массу эмоций и кучу ничего не стоящих денег.

Он даже отправлял этому маленькому стримеру множество своих почти обнаженных фотографий. Если бы кто-то узнал, его бы сочли невероятно распутным альфой.

На самом деле, Се Сянсюнь даже за руку никого не держал.

Стопроцентный, отборный девственник.

Эти проценты здесь для того, чтобы подчеркнуть — он один стоит сотни, высочайшее соотношение цены и качества.

Сейчас он должен был бы угрожать ему, заставить удалить компромат, который был у него в

руках.

Но пол такой холодный...

Что он должен делать?

Голова Се Сянсюня пошла кругом.

Он хотел лишь подхватить этого маленького юношу, который так беззастенчиво обманывал его, пользуясь своей красотой, и проверить, надел ли он то белье, которое он ему купил.

Когда он опомнился, одна его большая рука уже была под ягодицами стримера, просунутая под свитер, и заставляла его тонкие ножки раздвинуться и обхватить его талию.

Другая рука уже скользнула к внутренней стороне бедра.

Звонкая пощечина нарушила тишину.

Левая щека горела и немела.

Маленький юноша, который так умело раздавал пощечины, стоял с подрагивающими ресницами, его щеки залились румянцем от гнева.

Се Сянсюнь на мгновение замер.

Он вытащил свои широкие пальцы из-под белоснежных, упругих бедер.

На грубой коже ладони остался головокружительный сладкий аромат, исходящий от белоснежной кожи этого человека.

Затем он схватил оцепеневшую от удара руку Шуй Цюэ.

Несмотря на холод снаружи, его ладонь вспотела, увлажнив пальцы Шуй Цюэ.

— Не бей, — с трудом выговорил Се Сянсюнь. — Меня это возбудило.